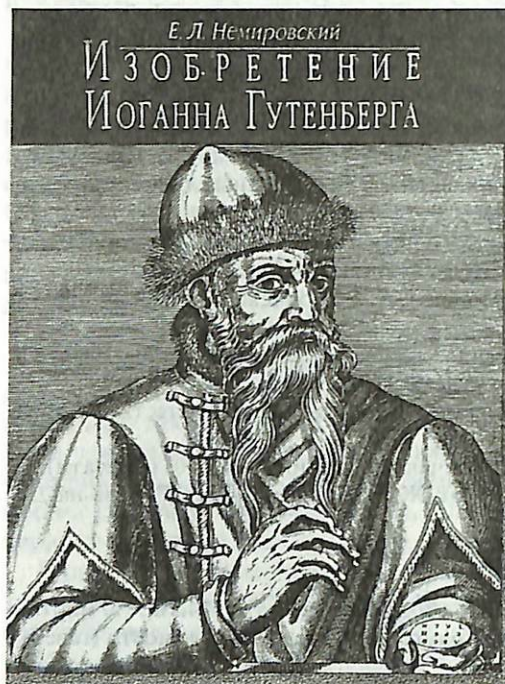

А. Н. ШАМИН

ПОГАСНЕТ ЛИ «ГАЛАКТИКА ГУТЕНБЕРГА»?

Появления этой книги Е. Л. Немировского о великом изобретении Иоганна Гутенберга ожидали давно*. Я думаю, что многие, кто знал о готовящемся труде, предполагали, что он будет развитием той биографии Великого Печатника, которую Евгений Львович издал в 1989 г. в серии «Научно-биографическая литература» [1].

Однако это оказалось не совсем так. Новая книга снабжена подзаголовком — «Из истории книгопечатания. Технические аспекты». Биографическая тема была сужена и намеренно ограничена. Личность Гутенберга была как бы отодвинута на второй план и помещена в начало ряда продолжателей его дела. Мало того, биография изобретателя оказалась встроенной в увлекательнейшую историю технических идей, положенных в основу книгопечатания, которое автор определяет как «комплекс производственных процессов, осуществляемых с целью изготовления печатной книги» (с. 11). При этом сразу он оговаривается, что

современное книгопроизводство определяется термином «полиграфия». Истоки и история изобретения Иоганна Гутенберга составляет содержание двух глав выделенных в первую часть книги «Изобретение книгопечатания» (с. 11–82).

Эти главы задают тональность всей книги, превращая ее в грандиозную энциклопедию. Но это не единственная ее характеристика. Стиль, характер подачи материала, подбор цитированной литературы — все это вместе делает книгу Е. Л. Немировского подлинным событием той самой истории Культуры, о которой автор так увлекательно повествует.

В развитии природы усматривают две всеобъемлющие модели, которые можно попытаться распространить и на историко-культурный процесс. Сразу оговорюсь, что такие попытки уже делались и что они подвергались обоснованной, возможно, критике. Однако соблазн воспользоваться гениальностью природы в качестве подсказки велик, и я позволю себе напомнить об этих двух моделях.

Первая: живая клетка высшего организма. Генетическая информация, заложенная в ядре, диктует исключительно рациональный механизм развития клетки. Это, можно сказать, реализация идеальной схемы. Впрочем, в развитии клетки есть одна особенность: в условиях «диктатуры ядра» она развивается, достигает опре-

* Немировский Е. Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты. М.: Наука, 2000. — 659 с.

деленного «биологического максимума» и затем — неминуемо гибнет. Это идеальный пример *развития*.

Вторая модель: сообщество организмов, популяция, экосистема. Прогресс экосистемы подчиняется иным механизмам — его питает смерть, конкуренция, гибель неприспособленных, неумолимый, как законы рынка, дарвиновский закон *эволюции*. Множество нитей обрывается, чтобы дать импульс процессу.

Мне не хотелось бы распространять эти представления в целом на историю общества, культуры, науки или техники. Я хочу только воспользоваться построенными в данном контексте моделями *«развития»* и *«эволюции»*.

В этом плане сама тематика книги Е. Л. Немировского заставляла размышлять о двух проблемах:

1. Исчерпала ли книга свой *«генетический ресурс»* в эпоху перехода к новым электронным технологиям передачи и хранения информации?

2. Или история книги просто подошла к новому *ароморфозу*, причем не только технологического характера?

О том, что эра книги закончилась, что «безбумажная литература» пришла на смену книге, что эпоха книги закончилась, сейчас не пишут лишь ленивые. Уже в 1962 г. вышла монография основателя и директора Центра культуры и техники университета в Торонто М. Мак-Люэна «Галактика Гутенберга: создание типографского человека» [2]. В ней предсказывался конец печатного слова. Апологи-ты информатики трубят об этом непрерывно, активно внедряя эту мысль через средства массовой информации (но не серьезную научную печать!) в головы новых поколений.

Так ли это? — покажет будущее. Но труд историка должен помочь нам разобраться в принципиальном вопросе: не является ли *печатное* слово неотъемлемой, *вечной* компонентой современной цивилизации?

Поводы для размышлений и самостоятельных выводов дает нам сам стиль рецензируемой книги — с детальной проработкой множества вопросов, стиль, который можно назвать своеобразным микроанатомированием. Каждый конкретный исторический эпизод окружен множеством деталей, количество и взаимосвязь которых переходят в новое качество, что позволяет по-новому взглянуть на более общие проблемы. Теперь, как нам представляется, каждый общий труд по истории культуры и истории техники должен включать в список *основной литературы* «Изобретение Иоганна Гутенберга» Е. Л. Немировского.

Об энциклопедичности книги стоит сказать особо. Рубрикация ее необычайно детальна. Это — необходимый материал для надежного словника энциклопедического словаря по истории печатного дела. Предметного указателя в книге нет, но авторский снабжен краткими указаниями на место персонажа в истории книгопечатания. Все исторические узелки в книге сплетаются в сложную историческую сеть. Работа посвящена истории печатной техники, но попутно читатель узнает множество деталей, которые остаются в его памяти, — например: когда была написана первая русская книга на бумаге? когда появился первый переплет? как связан великий химик Н. Н. Зинин с полиграфическим делом?.. мы вдруг обнаруживаем, что одно из величайших открытий в аналитической химии — изобретение хроматографии — связано с созданием новой техники воспроизведения иллюстраций (через химика К. Гоппельсредера) и многое, многое другое.

Кроме того, в книге Е. Л. Немировского мы встречаем еще одну исключительно важную для нашего времени особенность — пристальное внимание автора к терминам.

Язык науки и техники, лексикография науки, историко-культурные подробности терминологии, роль языка в формировании цивилизаций и т. п. — все эти вопросы сейчас активно исследуются и обсуждаются. Итальянский *Centro per il lessico intellettuale Europeo* осуществляет замечательный проект издания трудов по лексикографии науки и техники (см. [3]). В последние два десятилетия подобные работы приобрели исключительно важное практическое, можно даже сказать, экономико-политическое значение. Дело в том, что в условиях глобализации экономики древняя культура, прежде всего культура Европы, превратилась в экономический фактор, определяющий уровень научно-технического потенциала отдельных стран и регионов. Европейская цивилизация занимает особое место в истории человечества, а важнейшим фактором стабилизации, устойчивости любой цивилизации является язык (см. [4]). Нации смешиваются, войны разрушают города, но то, что кажется самым эфемерным — язык, оказывается самым прочным элементом культуры. Структура языка не может быть разбавлена как кисель. Она может быть заменена иной структурой. Вытеснение одного языка другим означает гибель цивилизации. И европейские страны осознали эту опасность: во Франции приняли жесткие законы о языке, в Германии студентам-иностранцам предоставляют стипендии для обучения в университетах при условии знания ими немецкого языка, испанский язык — сейчас один из самых распространенных в мире.

Русский язык сыграл исключительную роль в формировании Восточноевропейской православной цивилизации (подчеркну, что это понятие введено в научный оборот отнюдь не славянофилами, а представителями английской исторической школы). Россия в этом процессе совершила подвиг, который еще предстоит и осознать, и изучить, и воспеть — она за триста лет, с момента воцарения Романовых до начала XX в., создала собственную научно-техническую терминологию, подобную той, которую Западный мир формировал в течение двух тысячелетий. Эта терминология лежит в основе не только русской науки и культуры, но науки и культуры всех славянских народов. Ничего подобного не сумела создать даже такая быстро прогрессирующая цивилизация, как японская, цивилизация Индии пользуется английской научно-технической терминологией, вслед за ней по этому пути вынужден идти Китай... Восточноевропейская цивилизация, хотя и опиралась в момент своего рождения на греческую письменность, печатное слово утвердила на письменности славянской. Благодаря тому, что греческая, латинская и славянская письменность обладают огромным общим для всех них преимуществом — они алфавитные, фонетические, — двуединая европейская цивилизация позволила создать современную науку, с логико-математическим аппаратом, создать *системную*, а не *иерархическую*, парадигму описания внешнего мира.

В своей книге Е. Л. Немировский, скорее всего, не ставил себе целью показать, как этот процесс отразился на развитии русской полиграфической терминологии, провести некое сравнительно-лексикографическое исследование. Подробное, точное воспроизведение и сопоставление терминов — это органичное проявление исследовательской культуры автора. Но из методичного, проводимого от главы к главе сопоставления становится понятным, что русские печатники в развитии полиграфии занимают свое собственное, неотъемлемое место. Появление русской полиграфической терминологии не сводилось только к созданию русских эквивалентов терминов, принятых в языках наиболее развитых стран.

Кроме вводной по своему характеру первой части «Изобретение книгопечатания», книга содержит еще три части: «В тесных рамках типографской мануфакту-

ры» (с. 85–228), «Промышленная революция. От ручной техники к машинной индустрии» (с. 231–486) и — «На пути к научно-технической революции. XX век» (с. 489–613).

По сути, каждая из них представляет собой монографическое исследование. Однако целостность всей книги при этом не нарушается. Автор последовательно ведет рассказ обо всех усовершенствованиях полиграфического производства, обеспечивающих массовость, быстроту и дешевизну печати. Но каждая из частей книги передает контекст исторической эпохи — что, естественно, приводит к расстановке акцентов. Так, вторая часть представляет особый интерес для историка культуры. Прежде всего это связано с тем, что печатный стан Гуттенберга технически принципиально не менялся в течение почти трех с половиной веков. Но эволюция книги, в том числе — не в последнюю очередь, а, возможно даже прежде всего, научной — была результатом сложнейших культурных процессов, включающих множество компонентов, от истории живописи до истории химии, от истории архитектуры до истории музыки, от ботаники до литья пушек...

«Технические аспекты» истории книгопечатания оказываются цементирующим материалом для понимания многофакторных процессов, протекавших в европейских странах в эти столетия. Это были непростые времена. Европу разрывали религиозные войны, экономический центр перемещался с Пиренейского полуострова на север. Образование колониальных империй привело к изменению приоритетов в государственной политике крупнейших стран. Конец войны за Испанское наследство привел к новой расстановке сил в Европе, а Северная война привела к усилению роли России.

Карта Западной Европы оказалась лоскутным одеялом, даже религия и церковь оказались разорванными. Однако в Европе существовали две структуры, которые, как выяснилось позднее, могут быть названы зачатками интеграционных процессов. Эти структуры оказались очень устойчивыми и как бы надгосударственными. Первая, не поколебленная даже Реформацией, — это сеть университетов с едиными принципами управления, общим «языком науки» — латынью. Вторая — сеть типографий, превращавшихся в издательские дома и с самого начала ставших культурными центрами, которые собирали воедино все великие умы своего времени.

Техника книгопечатания первых трехсот лет после Гутенберга, детально прослеженная Е. Л. Немировским, оказывается ключом для понимания множества процессов, которые им специально не рассматриваются. Чисто полиграфические усовершенствования — скажем, нумерация страниц, рубрикация и оглавление, появление титульных листов, расположение текста на странице, формат книги и многое другое — привели к изменению преподавания в университетах (карманная книга заменила постепенно уникальные тома, которые приходилось приковывать к пюпитрам, чтобы их не украли; появились учебная и «узкая» книга и т. п.), к дисциплинаризации науки (появление печатной книги содействовало возникновению «дисциплин», пришедших на смену «тривиуму» и «квадриуму»), из торговых каталогов печатных изданий родилась библиография. Эволюция иллюстрации изменила возможности книги. Гравированные на меди карты в «Географии» Птолемея, переведенной на итальянский язык Франческо Берлингиери (XV в.), значили для ученых нечто большее, нежели просто более четкие изображения мира. Рисунки растений и животных, выполненные величайшими художниками — в их ряду Альбрехт Дюрер не единственный гений, — стали важнейшими сюжетами научной книжной иллюстрации — точной, а не символической.

История цвета в книге еще будет привлекать многих исследователей. Тем более, что интерес к рукописной и первопечатной книге сейчас подхлестывает мода (Умберто Эко со своими романами и эссе только один из примеров). Главу «Цвет в книге» (с. 121–138) можно назвать замечательным планом одного из разделов такого будущего исследования, главным вопросом которого станет, между прочим, возвращение в печатную книгу цвета непревзойденных иллюминированных рукописей.

О шрифтах и словолитчиках писалось много, но далеко не во всех деталях изучено влияние на разработку шрифтов ученых и художников Возрождения. Соединение имен Луки Паччоли и Альбрехта Дюрера как разработчиков шрифтов, однако, не случайность, а проявление гораздо более общих закономерностей, к изучению которых должны еще вернуться историки и теоретики культуры. В прекрасной в целом биографии Дюрера, написанной историком математики Г. П. Матвиевской, теперь особенно заметны лакуны, связанные с «типографскими» эпизодами жизни великого художника (см. [5]). Да и современным пользователям персональных компьютеров будет полезно знать, что названия шрифтов — это память о Клоде Гарамоне, в начале XVII в. нарисовавшего «королевский греческий» шрифт, или о Джамбаттиста Бодони (1740–1818). Этого итальянского печатника посетил Стендаль, чьи книги об Италии многие литературоведы ставят выше, чем его романы «Пармская обитель» или «Красное и черное». Рассказ о встрече с Бодони из книги «Рим, Неаполь и Флоренция» приводит Е. Л. Немировский: «Джамбаттиста показал гостю свои издания — “Приключения Телемака” Франсуа Фенелона, сочинения Никола Буало и Жана Расина и спросил, какая книга ему больше нравится. Стендаль долго рассматривал изящные томики и нашел их одинаково превосходными. — Ах, сударь, — воскликнул Бодони. — Вы не обратили внимание на титульный лист Буало. У меня ушло шесть месяцев на то, чтобы придумать этот шрифт!» (с. 162).

Глава «Русская полиграфическая техника в XVI–XVIII вв.» (с. 164–179) открывается замечательным эпиграфом из Симеона Полоцкого:

Россия славы расширяет
Не мечом токмо, но и скоротечным
Типом, через книги сущим многовечным...

Такие заветы нельзя забывать.

Это — одна из двух специальных глав об истории книгопечатания в России. В ней обойден вопрос об истоках славянского книгопечатания, так как все подчинено единой теме — развитию техники книгопечатания. Сам факт такого построения книги представляется еще одним объективным доказательством того, что развитие русской культуры начиная с XVI в. действительно было национальным подвигом. Выше мы говорили о формировании русского языка, обеспечившего полноценное включение в процесс развития европейской цивилизации, о развитии на основе этого языка такого культурного образования общемирового значения и влияния, каким стала русская литература и наука в XIX–XX вв. Данная глава убедительно демонстрирует, что русская полиграфия в течение одного столетия полноценно включилась в общемировой процесс развития полиграфического дела. При этом был достигнут не только ремесленный уровень, но началось также освоение важнейших усовершенствований допромышленного периода, включая прежде всего литографию. Глава «Механизация печатного процесса в России» (с. 249–254), включенная уже в третью часть книги, лишь подтверждает эти положения.

Третья часть, посвященная переходу от ручной техники к машинной индустрии, содержит материал, который заставляет задуматься историков техники и специалистов по экономической истории. Переход от инструментализации к механизации всегда связывали со стремлением к массовому производству с одновременным удешевлением конечной продукции. Этот результат в процессе промышленной революции был достигнут далеко не сразу. При его изучении и описании обычно приводят примеры текстильной промышленности, затем отдельные области машиностроения и т. д. Символами достижения поставленных целей стали достаточно специальные производства, о которых в курсах экономической истории, как правило, говорится с придыханием от восторга. Такими примерами были налаживание выпуска гвоздей, иголок, спичек, оружия, позднее фотоматериалов. В наше время уже несколько забылась книга И. Эренбурга «Хроника наших дней» [6], где воспевались творцы массового производства автомобилей (Генри Форд), спичек (Ивар Крейгер), обуви (Томаш Батя), киноплёнки и т. д. Характерно, что в «Хронике наших дней» отсутствовали даже упоминания о самом важном и одном из самых старых массовых производств — производстве печатной продукции: книг, газет, журналов. (Речь идет именно о производстве книг, а не о книгопечатании как новой форме закрепления и распространения слова.)

Вот здесь та микроанатомия исследования, которой мастерски владеет Е. Л. Немировский и о которой мы говорили выше, играет исключительно важную роль. В тексте рецензируемой книги мы находим множество связей, которые очень много говорят историку культуры, науки и техники, да и вообще подготовленному и внимательному читателю. Полиграфия — это область производства, где очень давно (в одной из первых областей) сложилась целостная структура взаимодействия фундаментальной и прикладной науки, а также конструкторской деятельности (а это ведь не что иное, как полная структура фронта развития научно-технического потенциала, важнейший предмет комплексного изучения в наши дни). Полная структура фронта развития научно-технического потенциала — мотив для изучения не просто полиграфии, но издательского дела в целом. Подобное указание на необходимость дальнейших исследований — также важное достоинство книги.

В этой связи необходимо обратить внимание на три момента.

Во-первых, прорисовывается чрезвычайно важная особенность полиграфического производства, которая сложилась очень рано и до которой в других сферах производства путь был значительно более долгим и длинным. Эта особенность — опора на множество технических и научных достижений из самых разных сфер. Я даже не говорю в этом плане о гальванотехнике. Ей посвящена специальная «русская» глава, повествующая прежде всего о деятельности Б. С. Якоби (с. 286–308).

Во-вторых, на множестве примеров продемонстрирована встроенность развития полиграфической техники в общий технический прогресс, опора полиграфии на другие производства. На первых же страницах повествования об истории создания печатной машины Ф. Кёнигом говорится о том, что создана она была в Зуле, в местной оружейной мастерской. Мы встретим потом рассказ о том, что другие более совершенные машины создавались на заводах С. Кольта. Русские печатники также пользовались услугами и опытом оружейников. Автор подчеркивает историческую органичность появления ротационного принципа в печатном деле, отмечая, что впервые ротационный принцип печати был испробован в тканепечатании (с. 270–271). Можно было бы прибавить, что ротационный принцип нахо-

дил применение еще ранее в машинах по изготовлению пилюль, существовавших до Гутенберга итальянских «pilloriga», которые считаются прообразом современных блистеров (см. [7]).

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное с точки зрения истории науки и техники, автором показана непосредственная связь нововведений в полиграфии с фундаментальными открытиями в физике и химии. Особенно впечатляющая демонстрация этого содержится в главах, посвященных использованию гальванопластики и фотопроцессов в полиграфии. Показательно не только упоминание, но даже помещение в книгу портрета Теодора Гротгуса (с. 311), прибалтийского ученого рубежа XVIII–XIX вв., фотохимические работы которого были основаны на созданной им ионной теории. В биографии Гротгуса, написанной нынешним президентом Латвийской Академии наук Я. П. Страдынем и вышедшей в научно-биографической серии АН СССР, это подробно описано [8].

Все сказанное, однако, не умаляет значения «Решения специальных задач» (глава 21) в процессе совершенствования полиграфической техники. Здесь особенно интересна история создания «Орловской печати» и судьба замечательного механика И. И. Орлова (с. 441–444).

Последняя часть рассматривает совершенствование полиграфии на пути ко второй половине XX в. Специфика предпринимательства и рекламного бизнеса привела к появлению ряда особенностей публикаций историко-научного и историко-технического характера, касающихся появления изобретений, легших в основу процветающих, приносящих значительные прибыли компаний — владельцев патентов. Сами изобретатели и менеджеры оставляют нам мемуары или даже специальные исследования, посвященные судьбам таких открытий. Кроме того, изменился характер обзорных публикаций, связанный с тем, что многие изобретения сразу становятся основой для патентования, да и рождаются они отнюдь не в лабораториях академического плана, а в научных учреждениях фирм или крупных концернов.

Кстати, мемуары изобретателей и менеджеров привлекают сейчас широкое внимание и нередко представляют несомненный интерес. Но это тоже знамение времени: кто раньше стал бы читать воспоминания директора какой-нибудь фирмы так, как сейчас читают воспоминания Ли Якокки — «спасителя концернов» Форда и Крайслера, или книги некоторых Нобелевских лауреатов? Поэтому работа по воссозданию истории техники последних десятилетий требует привлечения новых, дополнительных источников.

Е. Л. Немировский дал четкий очерк развития офсетной печати, эволюции фотонаборных машин (данного процесса хватило только на четверть века — поэтому глава 24 названа «Блеск и нищета фотонаборных машин») и проанализировал новое для истории техники явление — преодоление инерционных процессов в развитии техники при одновременной вероятности быстрого истощения потенциала изобретения (на примере электрографических методов печати).

Схему классификации полиграфических способов воспроизведения (вклейка перед с. 337), в какой-то мере суммирующей материал всей книги, хочется рассматривать как генеалогическое древо какого-нибудь знаменитого царствующего дома. По сути дела, эта схема должна ассоциироваться с таблицей Д. И. Менделеева, поскольку в ней намечены в том числе и те пути развития полиграфии, которые не всегда реализованы, но принципиально возможны. Возможно, эту вклейку следовало бы выделить. В ряду красивых репродукций и других цветных иллюстраций данная автором схема несколько теряется, хотя заслуживает внимательного рассмотрения и детального сопоставления с читаемым текстом.

Теперь, вероятно, наступает время задуматься над самыми корневыми и глубинными вопросами:

– Что дало изобретение книгопечатания цивилизации? Особенно — для Европейской цивилизации?

– Что же описывает история Книги — *развитие* или *эволюцию*?

– Каким образом эти понятия можно применить к истории науки и техники?

Достоинством рецензируемой работы является и то, что автор не ввязался в бесплодную дискуссию о судьбах книги и способах хранения информации в «бесбумажном виде» — он просто приводит цифры и факты (с. 615–621). К сожалению, среди участников этих споров доминируют специалисты в области новейшей информационной техники. Своего слова не сказали психологи, экономисты, лингвисты, специалисты в области истории культуры и цивилизаций.

Эта тема необычайно деликатна и в то же время исключительно важна. Она непосредственно ведет к таким проблемам общечивилизационного значения, как роль языка и письменности в сохранении цивилизаций, как изменение и сохранение характера творческого труда и др. В обсуждении этой темы, к сожалению, многое уже профанировано. Происходит недопустимая путаница понятий «*информация*», «*коммуникация*», «*литература*» и т. д. и т. п.

Ожидание подведения итогов Третьего тысячелетия, завершение исторической эпохи означает открытие новых горизонтов исследования: от истории книгопечатания — к истории книги и истории издательств, а самое главное — к постановке вопроса совсем не простого — места и роли печатного текста в истории культуры.

Возможно, что *печатное слово и культура неразделимы принципиально*, что «бесбумажная полиграфия» или «электронная книга» в этом контексте не более, чем звонкие пустышки, хотя и обозначают вполне реальные феномены. Вместе с тем использование всех возможностей компьютера и «компьютерный набор» — очень разные вещи.

Всегда очень туманны представления о том, почему Европа обогнала Восток в реализации книгопечатания. Рассуждения о том, что история развития «книгопечатания на Востоке» и «книгопечатания в Европе» несопоставимы, рискуют встретить ожесточенные обвинения в европоцентризме, в пренебрежении историями культур других народов. Но все-таки в конце концов необходимо исследовать: почему именно европейская цивилизация породила науку в современном смысле этого слова (в совокупности тех характеристик, которые согласно выделяют философы и науковеды)? Почему только тогда, когда Япония, Китай, Индия включили развитие своего научно-технического потенциала в европейский цивилизационный процесс, они получили то, что всерьез называется наукой и техникой?

Кстати, и то, что мы сейчас называем книгой, было привнесено в эти древние цивилизации именно этим процессом, который не отделим от изобретения паровой машины, электродвигателя, фотографии и многого другого. В то же время сам процесс распространения европейской цивилизации на весь мир (лишь технологическим воплощением ее является американская цивилизация) изучен крайне слабо. Европейская история науки и техники еще не исследовала должным образом влияние «реставрации Мейдзи» на формирование той Японии, которая, не имея природных ресурсов, не опираясь на собственную, структурно полную фундаментальную науку, занимает второе место в мире по своему экономическому развитию. Европейцы только в 2000 г. с удивлением осознали, что возникшее государство «Европейский Союз» с населением в 300 миллионов человек, исключительными

традициями, с перспективами «догнать Америку» должно сначала... «догнать Японию». Это только один пример.

Возникают и другие серьезные, тревожные вопросы:

– Будет ли «электронная книга» обладать той силой влияния на процессы воспитания и образования, которой, несомненно, обладала печатная книга?

– Если печатная книга все же уйдет с арены истории, не погибнет ли сама культура, оставив молодым людям только технические навыки и умения?

На наш взгляд, книга Е. Л. Немировского представляет доказательство с позиций историка того, что книга, книгопечатание — неотъемлемые компоненты цивилизации, а не только ее технологический эпизод.

Очевидно, что *эволюция* происходит внутри *развития* полиграфии, а не вне ее. Сама книга не будет уничтожена в конкурентной борьбе — пока по большому счету конкурировать с ней нечему. Однако возможности компьютеров изменяют характер полиграфии.

Несомненно, персональный компьютер с хорошим принтером на столе позволяет любому бойкому интеллектуалу написать романчик собственного сочинения для удовлетворения своих амбиций, а также для удовольствия (или зависти) друзей. (Шутники называют подобный феномен «*акунизацией*» современной российской литературы). Некоторые научные работники, особенно гуманитарии, давно заражены этим пагубным микробом. Имитацию творчества сегодня вынуждены учитывать науковеды... А переход ученых из своего клана в клан писателей-фантастов (но не популяризаторов, что, безусловно, почетно и благородно) из-за престижа, известности, заработков — стал, к сожалению, распространенным образцом для подражания.

Все перечисленное требует, конечно, обращения к иной истории, к иным сферам и методам исследования. Ясно лишь, что эра «электронных книг» приведет к изменению характеристик интеллектуального потенциала. От творчества общество может окончательно скатиться к хищному потреблению его продуктов, благо, цивилизация накопила их с огромным избытком. Здесь опять можно вспомнить М. Мак-Люэна (см. также [9]). Отрицая «цивилизацию письменности», он с техноромантическим порывом ввел понятие «глобальной деревни», где с помощью коммуникационных сетей должна возникнуть идиллия общения людей, «свободных от индивидуализма». Невольно задумаешься о том, какую шутку сыграло время со всей этой терминологией!.. По-русски особенно парадоксально звучит словосочетание «*глобальная деревня*».

В заключение необходимо с похвалой отметить чисто «издательские параметры» рецензируемой книги. Книгу большого формата не всегда удобно читать. Вместе с тем, «Изобретение Гутенберга» — книга для чтения, а не только рассматривания. Автору, художнику (В. Ю. Яковлеву), редакторам удалось найти форму, адекватную содержанию, что требовало высокого профессионального искусства. Перед читателем — эквивалент подлинной энциклопедии. Расположение материала и иллюстраций, компоновка иллюстраций (прежде всего портретов, изображений и чертежей машин), продуманная рубрикация позволяет легко ориентироваться в сложном и обширном материале. Можно было бы высказать сожаление об отсутствии предметного указателя, но детальное оглавление и тщательно составленный «Указатель имен» восполняет этот пробел. Остается добавить, что данное уникальное издание готовил коллектив издательства «Наука» под руководством В. И. Васильева при участии Н. Н. Гришутиной, И. К. Лумповой и Н. А. Посканной.

Литература

1. Немировский Е. Л. Иоганн Гутенберг. М.: Наука, 1989. – 320 с.
2. MacLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The making of the typographyc man. Toronto, 1962. – 349 p.
3. III Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale Europeo. Atti a cura di M. Fattori e M. Bianchi. Roma: Ateneo, 1982. – 340 pp.
4. Тойби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996. – 608 с.
5. Матвиевская Г. Альбрехт Дюрер. М.: Наука, 1987. – 240 с.
6. Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 7. М.: Худ. лит-ра, 1966. С. 7–282.
7. Шамин А. Н. История аптек и аптечного дела. М.: OSF, 2000. – 270 с.
8. Страдынь Я. П. Теодор Гротгус. М.: Наука, 1966. – 184 с.
9. MacLuhan M. Undersanding media. New York: 1964. – 312 p.